

Выходитъ ежедневно утромъ.

цѣна отдѣльнаго номера: въ Латвіи: 10 сент. (5 латв. р.)  
въ Эстоніи: 7 эст. марокъ  
въ Литвѣ 30 лит. центовъ

# СЕГООДНЯ

## ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За строку петита или занимаемое ею мѣсто — въ Латвіи:  
въ текотѣ . . . . . Ls. 1.— (50 р. латв.)  
преда. труда . . . . . —10 ( 5 )  
спроосъ . . . . . —24 (12 )  
фирмы и уведосл. учр. . . —30 (15 )  
позади текота . . . . . —24 (12 )

+ 5%  
гор.  
налога

Редакція, главная контора и экспедиція:  
РИГА, Большая Кузнечная (Lielā Kaleļu ielā) № 43.

Телефонъ редакціи 199, гл. конторы 59-90.  
Отдѣленіе конторы: Рига, Известковая 18, тел. 5-24.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 5 до 7 час. вечера.  
Главная контора открыта отъ 9 час. утра до 7 час. вечера.  
Рукописи не возвращаются.

Подписная плата за мѣсяцъ:  
въ Латвіи . . . . . Ls. 250 (125 руб.)  
Заграницей . . . . . 370 (185 " )  
" . . . . . 73 амер. цента

Почтовый ящикъ № 25.

Текущіе очета:  
въ почтовомъ отдѣленіи въ Ригѣ . . . . . № 115.  
въ банкѣ Латвіи . . . . . № 534.  
въ Рижскомъ для внешней торговли банкѣ . . . № 22.

# Книга.

Письма А. П. Чехова к П. Л. Кипперу-Чеховой.  
Изд. «Слово» Берлин 1924 г.

Вот книга, о которой не только неловко писать, но которую и читать-то как-то неловко. Ощущение является такое, словно вас заставляют подглядывать в щелку, как человек, — при том очень чуждый и любимый вами вполне уверенный, что никто его не видит, ведет себя наивно, разбавляется, мямлет блея и т. д. Можно с уверенностью сказать, что если бы Чехов имел хоть далекое подозрение, что эти его письма когда-нибудь будут опубликованы, он, такой стыдливо-замкнутый, никогда не «выставлялся», боявшийся всего, что писало характер неловкого и смѣшного, — принял бы все меры, чтобы этого не случилось.

Значительно и интересно все, что касается прекрасного, талантливейшего писателя Чехова, что может так или иначе дополнить то, что мы знаем о нем. Но опубликованные письма не призваны сыграть такую роль. За весьма и весьма малыми исключениями они носят только интимный характер переписки двух близких людей — мужа и жены.

Кому надо знать эти переполняющие громадным том (128 страниц), к тому же безотчетно повторяющиеся, мало интересные, обыденно-житейские мелочи? Если нужно было охарактеризовать отношение Чехова к любимой женщине, поэтически было полу-дожины писем, а писем вместе с телеграммами в книгу — 434.

Отдельных замечаний, имеющих литературную и вообще какую-нибудь ценность, тоже так мало, что все они свободно уместились бы на 15—20 страничках. И такая выжимка должна была быть сделана.

Следует еще иметь в виду, что к некоторым высказанным в этих письмах литературным мненьям Чехова нужно относиться с попятной осторожностью.

Многое тут, как и во всяком письме, предназначено для одного, говорится не очень серьезно, не очень продуманно, иногда просто для красного словца, чтобы вызвать у любимого человека улыбку. Нет сомнения, что Чехов сам прекрасно понимал несерьезность и шутливость некоторых своих замечаний и не предвидя их огласки.

Например, когда он сообщает, что получил от известного русского поэта том стихов и замечает: «Могут сказать одни том толстый» — это отнюдь не серьезное его мнение, потому что упомянутого поэта он и очень любил, и очень ценил.

И такие замечания — не редкость. Но, конечно, на ряду с ними попадаются и очень взрывы и мѣткія, которые дѣлают не Чехов, муж Киппер, а Чехов-писатель. Например, Чехов пишет о Горьком:

«А. М. не изменился, все такой же порядочный и интеллигентный, и добрый. Одно только в нем, или в нем, на нем не складно — это его рубашка. Не могу к ней привыкнуть, как к замесергерскому мундату».

Или коротенькое замечание о Леониде Андрее-

виче: «В нем мало искренности, мало простоты, и потому к нему привыкнуть трудно».

А вот несколько о Луначарском: «Ты в восторге от пьесы Л. Но ведь эта пьеса дилетантская, написанная торжественным классическим языком, потому что автор не умеет писать просто. Этот Л., кажется, давно уже пишет и, если порыться, то пожалуй, можно отыскать у меня его письма».

И в том же письме несколько слов о Бунине и Куприне: «Осенью» Бунин одѣлано несвободной, напряженной рукой, во всяком случае купринское «Въ пири» гораздо выше. «Въ пири» — это свободная, наивная, талантливая вещь, при том написанная несомненно знающим человеком».

Очень интересен приговор, который Чехов выносит Тургеневу.

«Читал Тургенева. После этого писателя остается 1/2 или 1/10 из того, что он написал, все же остальное через 25—35 лет уйдет в архив». И дальше: «Меня в деревнѣ мѣл вѣсьма не понравился. Пьеса устарѣла, и если она у вас не понравится, то скажут — виновата не пьеса, а вы».

Въ сентябрѣ 1922 года Чехов пишет:

«Сегодня мнѣ грустно, умеръ Золя. Это так неожиданно и как будто неслучилось. Как писателя я мало любил его, но за то, как человека в последние годы, когда шумѣло дѣло Дрейфуса, я одѣлывал его высоко».

Из русских поэтов Чехов особенно любил Некрасова. «Подуचितъ», пишет он, «отъ Эфроса (театральный критик) письмо. Просить написать, какого я мнения о Некрасовѣ. Это не нужно для газеты. Простите, а придется писать. Кстати скажу, что очень люблю Некрасова и потому то ни одному поэту я так охотно не прощаю ошибок, как ему. Так и напишу Эфросу».

Больше всего в письмах говорится, конечно, о Художественном театре, который в жизни Чехова, в последние его годы, играл такую большую роль. Ставились его пьесы и играла его жена. Мы видим, как болѣзненное чувство отразилось на Чехове ко всему, что касалось театра, как он понимал театральное искусство, как заботился о мелочах каждой постановки, как входил в каждую роль.

«Опиши мнѣ хоть одну репетицію «Трахъ се-стеръ». Не нужно ли что прибавить или что убавить? Хорошо ли ты играешь, дуся? Ой, смотри. Не дѣлай печальнаго лица ни въ одномъ актѣ. Сердитое, да, но не печальное. Люди, которые давно носятъ въ себѣ горе и привыкли къ нему, только посвящаютъ и задумываются часто. Так и ты, застенчиво задумываешься на сценѣ во время разговоровъ. Понимаешь?»

Потом через несколько дней о тѣх же «Сестрахъ».

«Судя по письмамъ, вы все еще чапучу несомнѣнную. Въ III актѣ шумъ. Почему шумъ? Шумъ только вдали, за сценой, глухой шумъ, смутный, а зѣлы на сценѣ все утомлены, почти спятъ. Если испортите III актъ, то вся пьеса пропала, и меня на старости лѣтъ ошкуютъ».

Осенью 1903 года Чехов переписывал свою только что законченную послѣднюю пьесу «Вишневый садъ».

«...Тану, тану-тану и оттого, что тану, мнѣ кажется, что моя пьеса нѣмѣнно промадна, по-любовна, я ужаснулся и потерялъ къ ней всякій аппетитъ». Потом сообщает через несколько

дней, что пьесу переписывает вторично, и наконец, послѣ посылки ей пишет:

«Дуся, какъ мнѣ было трудно писать пьесу. Скажи Вишневскому, чтобы онъ нашелъ мнѣ мѣсто акцизавого».

Вот примѣчания къ «Вишневому саду», присланные имъ О. Кипперу для руководства:

1) Любовь Андреевну будешь играть ты, ибо больше никому. Она одѣта не роскошно, но съ большим вкусом. Умна, очень добра, разсѣяна; во всемъ ласкается, всегда улыбка на лицѣ.

2) Аню должна играть непременно молоденькая актриса.

3) Гаавъ — для Вишневскаго. Попроси Вишневскаго, чтобы онъ прислушался, какъ играть на бильярдѣ, и записалъ бы побольше бильярдныхъ терминовъ. Я не играю на бильярдѣ или когда-то игралъ, а теперь все позабылъ, и въ пьесѣ у меня все случайно. Потому съ Вишневскимъ мы сговорились и я впишу все, что нужно.

4) Лопухинъ — Станиславскій.

5) Трофимовъ, студентъ — Качаловъ.

6) Сименонъ — Пичику-Грибунинъ.

7) Шарлотта — знакъ вопроса. Въ четвертомъ актѣ я ставлю еще въ слова; вчера у меня очень болѣлъ животъ, когда я переписывалъ IV актъ, и я не могъ записать ничего новаго. Шарлотта въ IV актѣ продѣлываетъ фокусъ съ картами Трофимова. Раевская не сыграетъ. Тутъ должна быть актриса съ юморомъ.

8) Епиходовъ — быть можетъ, не откажется взять Лужскій.

9) Фирсъ — Артемъ.

10) Яша — Москвитинъ.

Если пьеса пойдетъ, то скажи, что произведу въ передѣлки, которые потребуются для соблюдения условій сцены. Время у меня есть, хотя, признаюсь, пьеса надѣла мнѣ ужасно. Если что неясно въ пьесѣ, то напиши.

Домъ старый, барскій; когда-то въ немъ жили очень богато и это должно чувствоваться въ обстановкѣ. Богато и уютно.

Варя — грубоватая и глуповатая, но очень добрая.

И въ мартѣ за несколько мѣсяцевъ до смерти онъ еще пишетъ о «Вишневомъ садѣ».

«Скажи Немировичу, что звукъ во II и IV актѣхъ «Вишн. сада» долженъ быть короче, гораздо короче и чувствоваться совсемъ издалека. Что за мелочность, не могутъ никакъ наладить съ пустякомъ, со звукомъ, хотя о немъ говорится въ пьесѣ такъ ясно».

Значительно меньше Чеховъ говоритъ въ письмахъ о своихъ другихъ литературныхъ работахъ; почти совсемъ не говоритъ. И объясняетъ:

«Ты сержишься, что я ничего не пишу тебѣ о разсказахъ, вообще о своихъ писаніяхъ. Но, дуся моя, мнѣ до такой степени наложилось все это, что кажется, что и тебѣ и во всемъ это ужъ такъ надѣло и что ты только изъ деликатности говоришь объ этомъ. Кажется, не — что же я подѣлаю, если кажется?»

Полны прелестнаго, мягкаго чеховскаго юмора встрѣчающіяся тамъ отдѣльными замѣчаніями, иногда совершенно пустячными. Онъ пишетъ, напримеръ, О. Кипперу еще въ пору ихъ перваго простого знакомства.

«Милая актриса, фотографія очень, очень хороша, особенно та, гдѣ Вы пригорюнились, поставивъ локти на спинку стула, и гдѣ передано Ваше выраженіе — сарказмо-грустное, тихое выраженіе, за которымъ прячутся чертики. И другая тоже удачна, но тутъ Вы немножко похожи на в-

рещку, очень музыкальную особу, которая ходитъ въ консерваторію и въ то же время изучаетъ на всякій случай тайно зубодробительное искусство и имѣетъ жениха въ Москвитинѣ».

Или онъ пишетъ:

«Вчера приходилъ татаринъ, богатый, и просилъ у меня денегъ подлѣ проценты. Когда я сказалъ ему, что денегъ подлѣ проценты не даю и считаю это грѣхомъ, то онъ удивился и не повѣрилъ. Одинъ хорошій знакомый взять у меня 600 рублей «до пятницы». У меня всегда берутъ до пятницы».

Или вотъ этотъ шутливый постъ-скриптусъ:

«Салонъ хорошъ, только почему то лѣвый нѣсколько гѣсновать и оба стучать при ходьбѣ, такъ что въ нихъ не чувствуешь себя интеллигентнымъ человекомъ. Но видъ у нихъ красивый» и т. д.

Но даже нѣмѣ этихъ прелестныхъ юмористическихъ штриховъ, какъ и нѣмѣ нѣсколькихъ мѣткихъ, въ 3—4 строчки, литературно-театральныхъ характеристикъ и замѣчаній, не оправдываютъ появленія этой книги, не вносящей ни одной новой черты въ давно уже готовый портретъ Чехова и въ большой своей частіи являющейся лишней, напрасной, ненужнымъ печатнымъ балластомъ.

## Ошибки Золя.

У всякаго писателя, даже самаго большаго, бываютъ несообразности и ошибки, вроде той медвѣжьей шубы, въ которую одѣлъ Гоголь Собакевича въ лѣтній день. Не забывая этой слабости и Золя, несмотря на свою репутацію большаго реалиста, изображающаго жизнь, изученную въ мельчайшихъ деталяхъ. По случаю открытія памятника писателю газеты пишутъ о Золя, и «Опinion» посвящаетъ замѣтку этимъ «равнозначностямъ» писателя. Въ «Страницѣ любви», напримеръ, весной 1835 года, героиня съ высотъ Пасси наблюдаетъ лавильонъ новаго Луиза и огромную массу Оперы Гарнье. Опера въ этомъ году еще не была сооружена. Нана въ сентябр. ночь слышитъ соловья, а Этель лезетъ въ морѣ розовыхъ креветокъ. Въ «Ошибкѣ аббата Мюре», паркъ Паралу, гдѣ разыгрывается любовная идиллія, находится въ одномъ лѣ отъ Артаду, прихода аббата, и изъ этого парка, стѣна котораго имѣетъ два километра, аббатъ, видя, какъ улыбается его старая служанка. Впрочемъ, въ этомъ удивительномъ мѣстѣ корова телится на четвертомъ мѣсяцѣ.

Много разсказываютъ, какъ тщательно и лично изучаетъ Золя среду и обстановку, гдѣ жили его герои. Такъ, онъ писалъ г-жѣ Шарпантье, подготавливая «Нана»: «Мнѣ нужны слѣдующія свѣдѣнія, которыя я хотѣлъ бы отъ васъ получить: въ болѣшомъ свѣтѣ, по случаю свадьбы, дакъ ли балъ и въ какой вечеръ, при подписаніи контракта или въ день вѣнчанія? Мнѣ больше хотѣлось бы, чтобы это было послѣ церкви. Если въ день контракта, то какой туалетъ бываетъ у вѣстовъ? Если въ день вѣнчанія, то должны ли и отправлять новобрачныхъ въ свадебное путешествіе послѣ бала?».

## Литературная хроника.

Въ Парижѣ будетъ выходить новый журналъ «Театръ и искусство» подлѣ ред. Евг. А. Зноско-Боровскаго. Журналъ будетъ посвященъ русскому искусству и богато иллюстрированъ.

Петроградское отдѣленіе главнаго управленія научныхъ учрежденій выпустило изданіе «Музей», посвященное музеюному дѣлу. Въ книгѣ имѣются, между прочимъ, статьи А. М. Бенуа: «Дворцы-музеи».